

ИНТЕРВЬЮ № 2

Респондент: священнослужитель РПЦ.

-Отец [имя]. Сколько вам лет?

-Сорок.

-Из них сколько вы в сане?

-Пятнадцать.

-Вы, кроме того, что служите здесь, еще и преподаватель?

-Нет, я не преподаю.

-Первый вопрос – это посещаемость. Как правило, посещаемость делят на будничную, выходную, праздничную и событийную. Можете что-то о них сказать?

-Да, конечно. В каком порядке начнем?

-Будничная.

-Около десяти-пятнадцати человек.

-Вы одну службу служите?

-Вечерняя с вечера, утренняя с утра и литургия. То есть собираемся на дню два раза, утром и вечером.

-А какая более посещается? Утренняя или вечерняя?

-Трудно разделить, приблизительно одинаковые.

-Выходная посещаемость.

-В нашем храме около ста двадцати человек.

-Праздничная.

-Праздничная – сколько вмещает храм, то есть Рождество и Пасха – даже посчитать затруднительно. Скажем так – от трехсот человек и выше, как набьется реально.

-Что касается событийной – привоз мощей, приезд иерархов.

-Тоже около ста человек.

-Касательно состава прихода. Это постоянные прихожане?

-Да.

-А захожан много?

-Если мы говорим о ста-ста двадцати людях в воскресный день, то, допустим, восемьдесят постоянных и двадцать захожан, пришли удовлетворить свои религиозные потребности почему-то в наш храм. Примерно в таком соотношении.

-Можете что-то сказать о составе прихожан, возрастном и гендерном?

-Большинство женщин, примерно две третьих женщин, даже три четвертых, соответственно, одна четвертая мужчин. Что касается возраста, если говорить о большинстве прихожан, то это от двадцати четырех до самой преклонной старости. Есть дети, есть детская воскресная школа, но это незначительно количество – до двадцати детей причащается в этот воскресный день, может пять-шесть, может десять-пятнадцать.

-Я хожу, наблюдаю посещаемость служб и состав служб. Одно из моих замечаний: как правило, женщины, которые приходят – пожилого возраста, большинство старше шестидесяти.

-Нет. Как я говорю, от двадцати четырех, средний возраст от тридцати до сорока пяти и следующая категория от шестидесяти и выше.

-У вас, видимо, такая обстановка. Но, как я наблюдаю в [название храма], тамошние священники соглашаются со мной: женщины, как правило, старшего возраста, а мужчины – наоборот, стариков очень мало, если приходит мужчина, то он либо среднего возраста, либо молод.

-Нет, я думаю, что примерно в таком же возрасте. Я бы не мог выделить, что большинство, скажем, от сорока и выше. Примерно равное соотношение.

-Это были практические вопросы непосредственно о приходе. Сейчас немного общих. Касательно проблем православия современного в России. Существует мнение, что большая часть православных, декларируется цифра в восемьдесят процентов русского населения, сомнительны. По опросам, действительно, восемьдесят-семьдесят пять процентов заявляют, что они православные. Однако еще одним вопросом был «Верите ли Вы в Бога?». И «да» ответили около пятидесяти процентов. То есть тридцать процентов православные, но в Бога не верят. Имеется мнение, что значительная часть людей православие идентифицирует не как религиозную идентичность, а как культурную. То есть православный – значит русский.

-Есть такое предубеждение. Собственно говоря, я бы разделил два момента для ясности вопроса: есть практикующие христиане, а есть христиане по факту крещения. И если мы говорим о православии как таковом, о его проблемах и успехах, то мы говорим о такой цифре как восемь-десять процентов от общего народонаселения. И эти восемь-десять процентов являются практикующими христианами, то есть не просто по факту крещения принадлежащие к церкви, а участвующие в полноте церковной жизни через таинства – исповедь и причастие как минимум. Венчаются раз в жизни, крестятся раз в жизни, а в каком-то ритме люди живут как раз в исповедальном и евхаристическом. Если этого нет, то говорить о принадлежности – это просто абсурдно, потому что мы не первый год живем в этой традиции, и в первые пять столетий этот велосипед уже придумали. Есть каноническое право, нормативы, которые пытаются как-то осознать эту аутентичность христианской принадлежности и примерно звучат следующим образом: человек, который не был за воскресным богослужением в течение трех недель должен объясниться. То есть это не его должны пытаться – где ты был, а он должен прийти и объясниться, и сказать, что такое в его жизни случилось, что он не нашел времени, сил, возможности разделить это церковное собрание. Если этих объяснений не последовало, то на четвертую неделю такой человек считается самоотлученным от церковного собрания и восстанавливается в церкви через ряд покаянных дисциплин. Не просто пришел – вот он я, а его возвращение к полноценной церковной жизни предполагает какие-то покаянные труды. Если он публично опал, в смысле выпал из собрания, то должен как-то публично потрудиться, чтобы для всех было очевидно, что это не сиюминутная прихоть – сегодня хожу, завтра не хожу, а что он действительно имеет намерение в дальнейшем разделять эту общность.

-Я учусь на историческом факультете, в частности на кафедре археологии и этнологии. У нас сейчас идет курс "Религиозные традиции Запада", т.е. христианство – католичество, православие, протестантство. Наши зачетные задания – ходить на богослужения в разные церкви. Мы, как правило, больше внимания уделяем протестантским, потому что их больше. И, знаете, приходишь и, как правило, много людей, очень много.

-Что по-вашему "много людей"?

-Сто человек на богослужении. И этих деноминаций до ста в городе. Есть, конечно, руссконемецкие общины, люди, предки которых двести лет назад мигрировали сюда, и вот они по традиции верят. А есть и русские общины. Почему люди идут туда?

-Потому что утрачена преемственность. Чтобы дорасти до какой-то глубины, до какой-то традиции часто человек выбирает более легкий путь. В том смысле, что там предлагаются более доступные формы без каких-то глубоких осмыслений. Здесь же всегда какая-то обрядовая сторона, в традиционных религиозных культурах, связана с осмыслением. То есть не только взять, придти, собраться и вместе порадоваться – к этой радости ты должен подойти осознанно, как-то осмыслить, я бы сказал так – "дожить". В нашей действительности человеку приходится пройти какой-то путь религиозных исканий от оккультных болот через леса всяких религиозных практик, в том числе и христианских, часто – псевдохристианских, для того, чтобы осознать всю эту полноту и глубину той

традиции, в которой человек вообще-то родился. Эта пословица не совершенно не случайна – "Иван-не-помнящий-родства". Она начинает актуально звучать для человека, когда человек это родство, эту аутентичность действительно для себя открывает. А это определенный труд, который человек, в том числе и над собой должен предпринять; это невозможно автоматически получить, это все равно нужно усваивать. Если даже в нашей ментальности, культуре, литературе транслируются эти ценности, ты же всегда приходишь к ним с какой-то своей рамкой, с каким-то своим житейским опытом. И отождествление происходит в такой степени, в какой ты проникаешься той мыслью, которую транслирует автор. Но чаще всего ты ее интерпретируешь. Эти интерпретации современные, на ту же евангельскую тему, которые встречаются, например, в протестантских церквях – до ста деноминаций, которые мы можем насчитать только в Екатеринбурге – они более легкие, доступные, не требующие какого-то глубокого труда и ума глубокого (в смысле ума критического, анализа, размышления).

-Я сейчас посещаю много церквей, говорю со священниками. Часто всплывает проблема, что в настоящее время не хватает священников, то есть существует определенный дефицит.

-Наверное, не соглашусь с этим. Священник – это не сословие, не каста. Скорей всего, это органическое выражение церковной общины. И когда священник не отождествляет себя с какой-то церковной общиной – в нормальном случае он должен в ней рождаться, как-то приходит к мысли своего священства, свое священство реализовывать в этой общине; это норма церковной жизни, если не для современной действительности, то для исторического опыта это так. Священник, из своей общины выходящий – есть община, общность людей и есть старейшина этой общины. Что значит "не хватает священников"? Видимо, не хватает церковных общин, которые ответственно готовы как-то разделять этот труд. Потому что священник в православной традиции это не жрец, не теург какой-то – в смысле он отдельно, а народ, для которого он там чего-то делает, отдельно. Это часть церкви, это предстоятель церкви, это старейшина, но он старший среди равных. Опять же в контексте Священного писания апостол Павел говорит, обращаясь к церкви: "Вы – царственное священство, вы – народ святой, вы – удел Божий". Он не выделяет особо не епископов, не священников, не пророков, не апостолов; он обращается к народу Божьему. Поэтому если мы будем от традиционного взгляда рассматривать этот вопрос, то у нас священников ровно столько, сколько актуально, востребовано, нужно. А то, что нам бы хотелось больше, у нас есть какие-то амбиции на другое служение – социальную активность или еще что-то – то, наверное, хотелось бы, но не всегда желаемое с действительным совпадает.

-Вам не кажется, что в связи с курсом, которое взяло государство – очень лояльное отношение к православию, присутствие первых лиц государства на службах – сложилась ситуация, сравнимая с Советским Союзом, когда многие люди коммунистические принципы не исповедовали, но поощрялось говорить, что ты коммунист, и в то же время было опасно заявлять, что ты – верующий. Некоторые люди считают, что в настоящее время сложилась обратная ситуация, то есть многие стесняются говорить, что они – атеисты из-за некоторое давления православия.

-На самом деле этого давления я не вижу, не ощущаю. Я изнутри этой ситуации и какого-то зеленого света тоже нет. Есть какая-то политика невмешательства во внутренние дела церкви. Я считаю, что это правильно и хорошо. В дореволюционный период или, допустим, современное состояние греческой церкви, где священники являются госслужащими, как и в царской России – наверное, это не лучший вариант. То, что лидеры страны в какие-то моменты отождествляют себя с традицией, культуuroобразующей религией своей страны, я думаю не только политический реверанс, но и личностный выбор, позиционирование. Но если мы говорим о каком-то давлении, "кто не со мной – тот мне не друг", я бы не стал так говорить. Не видел ни одного человека, пострадавшего

за какое-то инакомыслие в данном вопросе. Что касается того, что некоторые не отождествляют себя с атеизмом – последователей атеизма за всю жизнь встречал, наверное, по пальцам одной руки можно пересчитать. Атеизм, в данном случае, как осознанный выбор и как позиция – это крайне редкое явление. Имея возможность смотреть за религиозной ситуацией сознательно с девяносто второго года, все равно не могу говорить о таких людях, ярых сторонниках атеизма, последовательных и поступательных.

-Есть такая организация – Всемирный русский народный собор. Он неким образом под патронажем Патриархии Московской. У них есть ряд очень интересных документов, но одно из общих положений в том, что русский человек не может быть не православным. Из документа в документ гуляет это утверждение. Как вы к этому относитесь?

-Глубоко убежден, что само понятие "русский" – это не народная принадлежность, а национальная идея. Мы имеем возможность посмотреть только на недавний наш опыт – Российской империи. Мы имели верноподданных русских людей, которые исповедовали различные, в основном, конечно же, мировые религии, и разные формы христианства, в смысле – не православия, и, тем не менее, были русскими людьми. Так что говорить вот так однозначно – это значит вступать в конфликт с той исторической реальностью, наследниками которой мы являемся. Опять же, мало ли чего нам хотелось бы желать – чтобы все граждане России были православными, например. Но желать – это одно, а действительность – это другое. И если мы ее как-то не рефлексируем, то мы просто обречены на глубокие, системные ошибки, в нашем позиционировании, трезвом отношении к реальности, нашей деятельности.

-И последний вопрос. Можете выделить какие-то особенности Уральского региона в религиозном отношении по сравнению с остальной Россией, ее религиозным пространством?

-Может быть удивительно то, что не ощущаю этих особенностей, имея возможность последние три года бывать в Москве, Санкт-Петербурге, Омске, Тобольске, Сочинском побережье. Если говорить о православной традиции, то больше надо говорить о каком-то единообразии опыта, единообразии актуальных проблем, о тождественности какого-то позитивного опыта. Имея возможность последние три года выезжать на Рождественские встречи, где люди собираются со всей полноты Русской Православной Церкви и не чувствуется этого диссонанса с людьми даже из ближнего и дальнего зарубежья. Я думаю, что вот эти двадцать лет относительной религиозной свободы дали нам возможность обобщить этот опыт: сделать анализ ошибок, разделить позитивные наработки. Это лично мое восприятие. Для меня потрясающий опыт Рождественских встреч – то удивительное единодушие, единомыслие, видение проб и ошибок, позитивного опыта. Можно говорить, что он именно общий – есть какие-то нюансы, есть функциональные различия, как реализованы те или иные вещи, но видение вещей по существу единообразное.

-У вас очень позитивный взгляд. Другие священники жаловались, что тьма, мрак.

-Видите в чем дело – в контексте Екатеринбургской епархии я возглавляю комиссию по вопросам семьи, материнства и детства, выезжаю на Рождественские чтения, выезжаю на какие-то симпозиумы, семинары, участвуя в них. Я имею общение с активной частью духовенства и мирян. Поэтому позитивный опыт для меня более заметен, чем какие-то негативные вещи. Для негативных сторон, наверное, требуется поехать пожить в какую-нибудь Тверь на полгода или какое-то другое место, чтобы действительно почувствовать, пережить какие-то вещи. Но в активной своей части, своем локомотиве, вот это единодушие, единомыслие безусловно есть. Если мы говорим о православной церкви в категориях нашей страны, о тех же десяти процентах реально практикующих и если мы переводим в численный эквивалент, то, условно скажем, из ста сорока миллионов – это четырнадцать миллионов – это такой маховик, такое разнообразие людей,

жизненного опыта, жизненной практики, что качнувшись в одну сторону, даже при наличии такого локомотива, который позитивно мыслит, пока эта громада придет даже не в ровно противоположное отношение, а просто до какого-то центра доберется, относительного статуса-кво и, по крайней мере, не будет мешать благим начинаниям, а потом будет их какое-то время поддерживать, а потом будет им категорически препятствовать. Такой есть образ, такое восприятие. Для меня православие – не массовое явление, а всегда личностное предстояние перед Богом. Даже если этих личностей большинство, то это все равно сознательный волевой выбор человека. Не просто принадлежность по факту рождение – "я русский, значит я православный". В любом случае, даже если ты крещен в детстве, в твоей жизни должен этот тумблер, чтобы переключиться, когда ты сознательно примешь эту традицию. Ты примешь; не кто-то за тебя ее принял – институт крестных поручителей для этого и существует, чтобы ты в какой-то момент сделал этот выбор и сделал его правильно. Если ты его не сделаешь, то "свято место пусто не бывает", евангельское слово опять же. Ты не сможешь не выбирать ничего, так или иначе ты что-то выберешь. Если ты не выберешь вектор этой традиции, значит, выберешь другую или будешь создавать новую.